

## Представления об устойчивости в концептуальном пространстве психологии

**Буланова И.С.**

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),  
г. Москва, Российская Федерация  
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2387-9498>, e-mail: [bis\\_m@mail.ru](mailto:bis_m@mail.ru)*

**Двойнин А.М.**

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),  
г. Москва, Российская Федерация  
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0530-740X>, e-mail: [alexdvoinin@mail.ru](mailto:alexdvoinin@mail.ru)*

**Двойнина В.К.**

*ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» (ГАОУ ВО МГПУ),  
г. Москва, Российская Федерация  
ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-7552-2524>, e-mail: [romantsovavk@mgpu.ru](mailto:romantsovavk@mgpu.ru)*

В последнее время большую популярность в психологической науке приобрело понятие resilience, которое в русскоязычной психологии переводится как «жизнеспособность» или «устойчивость». Несмотря на то, что данный концепт прочно вошел в понятийный строй психологической науки, до сих пор среди исследователей не достигнут консенсус относительно его определения и теоретической нагруженности. В научной литературе можно встретить ряд систематизаций исследований, вносящих ясность в разнообразие трактовок этого явления. Вместе с тем они не позволяют увидеть концептуальное единство достаточно разных представлений об устойчивости, либо не включают исследовательские направления, в которых понятие устойчивости трактуется специфически. В статье предложены основания для систематизации представлений об устойчивости, позволяющие уловить в них интегративные процессы и тренды развития. Для этого применялся метод дедуктивной систематизации, а также понятийный анализ. Вектор развития современных представлений об устойчивости в психологии направлен на отход от понимания ее как качества и характеристики личности в сторону выявления динамической, процессуальной природы данного явления; от парадигмы одностороннего линейного влияния среды на человека — в сторону целостной системы «Среда—Человек»; от одномерного понимания устойчивости — в сторону представления о сложном уровне и системном характере ее строения.

**Ключевые слова:** устойчивость, жизнеспособность, жизнестойкость, устойчивость развития, стабильность, резистентность, психическая устойчивость.

**Финансирование.** Исследование выполнено в рамках стратегического проекта «Успех и самостоятельность человека в меняющемся мире» (реализуется по программе Минобрнауки России «Приоритет-2030»).

**Для цитаты:** Буланова И.С., Двойнин А.М., Двойнина В.К. Представление об устойчивости в концептуальном пространстве психологии [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2025. Том 14. № 1. С. 103—113. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140110>

## Representations of Resilience in the Conceptual Field of Psychology

*Irina S. Bulanova*

*HSE University, Moscow, Russia*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2387-9498>, e-mail: [bis\\_m@mail.ru](mailto:bis_m@mail.ru)

*Alexey M. Dvoinin*

*HSE University, Moscow, Russia*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0530-740X>, e-mail: [alexdrvoinin@mail.ru](mailto:alexdrvoinin@mail.ru)

*Viktoriya K. Dvoinina*

*Moscow City University, Moscow, Russia*

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-7552-2524>, e-mail: [romantsovavk@mgpu.ru](mailto:romantsovavk@mgpu.ru)

Recently, the concept of resilience has become very popular in psychological science, which in Russian-language psychology is translated as “zhiznesposobnost” [“viability”] or “ustoichivost” [“stability”]. Despite the fact that this concept has firmly entered the conceptual framework of psychological science, there is still no consensus among researchers on its definition and theoretical load. In the scientific literature, one can find a number of systematizations of research that clarify the variety of interpretations of this phenomenon. At the same time, they do not allow us to see the conceptual unity of sufficiently different ideas about resilience, or they do not include research areas in which the concept of resilience is interpreted specifically. The article suggests the grounds for systematization of ideas about resilience, which make it possible to capture integrative processes and development trends in them. For this purpose, the method of deductive systematization was used, as well as conceptual analysis. The vector of development of modern ideas about resilience in psychology is aimed at moving away from understanding it as a quality and characteristic of personality towards identifying the dynamic, procedural nature of this phenomenon; from the paradigm of one-sided linear influence of the environment on a person — towards an integral “Environment — Person” system; from a one-dimensional understanding of resilience — towards the idea of a complex level and the systemic nature of its structure.

**Keywords:** resilience, hardiness, sustainability, stability, resistance, mental toughness.

**Funding.** The research was conducted within the framework of the strategic project “Human Success and Autonomy in a Changing World” (implemented under the Priority 2030 program of the Ministry of Education and Science of Russia).

**For citation:** Bulanova I.S., Dvoinin A.M., Dvoinina V.K. Representations of Resilience in the Conceptual Field of Psychology [Electronic resource]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2025. Vol. 14, no. 1, pp. 103—113. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140110> (In Russ.).

### Введение

Современное глобальное общество переживает множество вызовов, подрывающих ощущение стабильности и определенности: обострение террористических угроз, вспыхивающие военные конфликты, экологические проблемы, эпидемия COVID-19 и др. В этих условиях увеличивается общественный запрос на те психологические средства и практики, которые помогают человеку обрести личностную устойчивость и жизнестойкость. Несмотря на то, что практикующие психологи — консультанты и психотерапевты — более столетия непосредственно имеют дело с развитием и поддержанием устойчивости личности, задача осмысления и рефлексии различных концептуальных построений и методологических оснований исследований в данной области остается актуальной.

Предметное поле этой области покрывается различными понятиями, ключевым из которых является концепт *resilience*. На русский язык его можно перевести как «...устойчивость психологическая — совокупность определенных качеств и свойств психики, благодаря которым организм сохраняет способность к адекватной и эффективной жизнедеятельности под воздействием каких-либо неблагоприятных факторов»<sup>1</sup>. В настоящее время между исследователями не существует консенсуса относительно определения понятия *resilience*, его теоретической нагруженности, онтологического статуса, а также методов измерения [21; 30]. В российской психологической науке дело усугубляется терминологической путаницей, связанной, с одной стороны, с трудностями перевода данного англоязычного термина и других близких по значению терминов на русский язык и, с другой стороны, — со сложившейся

<sup>1</sup> URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/emergency/3076/Устойчивость>

ся специфической концептуализацией понятия «устойчивость» в отечественной психологии,

Одним из вариантов перевода термина *resilience*, который часто можно встретить в современной русскоязычной литературе, является прямая «калька» данного англоязычного слова — *резилентность* [5]. Однако относительно психологического содержания данного концепта и его связи с близкими и похожими понятиями нет полной ясности. Этот концепт вбирает в себя достаточно широкий спектр явлений психики: способность к быстрому восстановлению душевных и физических сил, способность поддерживать психологическое равновесие, позитивную адаптацию, а также широкий класс процессов совладания и защитных реакций [5].

Другим вариантом перевода указанного термина является *жизнеспособность*, которую определяют как «...индивидуальную способность управлять собственными ресурсами: здоровьем, эмоциональной, мотивационно-волевой, когнитивной сферами, в контексте социальных, культурных норм и средовых условий» [7, с. 294]. В такой трактовке термин отражает современные представления исследователей и практиков об этом явлении, с ориентировкой на мультикаузальность, системность, психологическое здоровье и ресурсы личности. Остальные термины, относящиеся к проблематике устойчивости, являются либо производными и включены в общую концепцию жизнестойкости (такие, как, например, *жизнестойкость* (*hardiness*), *резистентность* (*resistance*)), либо вовсе из нее выпадают (например: *устойчивое развитие* (*sustainability*), *психическая устойчивость* как самоэффективность (*mental toughness*)), хотя онтологически с ней связаны.

В литературе представлены различные варианты систематизации исследований в данной области. Наиболее популярной из них является описание так называемых исследовательских «волн», в которых зафиксирована последовательность появления и развития основных направлений исследований на данную тему [6; 31]. Данная систематизация выглядит достаточно полной. Вместе с тем, учитывая путаницу понятий, разные переводы терминов, широко варьирующиеся контексты исследований, такая индуктивная систематизация не позволяет увидеть концептуальное единство разнообразных исследований при их многочисленных различиях. Другие попытки систематизации исследований, связанные с обобщением их в подходы [9], весьма узки и не включают исследовательские направления, в которых понятие устойчивости трактуется специфически.

Несмотря на то, что концепт *resilience* прочно вошел в понятийный строй психологической науки, разнообразие его трактовок, наличие схожих по смыслу понятий, а также обозначенные варианты систематизации исследований в данной области не вносят полной ясности в концептуальную картину представлений об устойчивости. Поэтому нам представляется необходимым обозначить некоторые простые критерии или основания для систематизации существующих пред-

ставлений о психологической устойчивости (в широком смысле). Это позволит раскрыть концептуальное единство в многообразии исследований и увидеть в них некоторые тренды.

**Цель** нашей работы — концептуальная систематизация представлений об устойчивости в психологических исследованиях. Исследовательская методология включала в себя:

- *метод дедуктивной систематизации* на основе таких критериев, как предметная область (отрасль) психологии; форма существования устойчивости как психологического явления; исследовательская парадигма;
- *понятийный анализ*, в ходе которого производилось сопоставление и уточнение содержания понятий, используемых для обозначения устойчивости. Единицами понятийного анализа выступили концепты «устойчивость», «жизнеспособность» (*resilience*), «жизнестойкость» (*hardiness*), «резистентность» (*resistance*), «психическая устойчивость» (*mental toughness*), «жизнеспособность», «устойчивое развитие» (*sustainability*).

В рамках настоящей статьи мы будем использовать термин «устойчивость» — преимущественно как категорию, обобщающую весь спектр схожих по смыслу понятий, используемых в соответствующих областях исследований, а также более узко — как одно из частных понятий, давая по ходу текста пояснения там, где это необходимо.

### Устойчивость в контексте разных предметных областей (отраслей) психологии

#### *Психология труда и отдельных видов деятельности.*

Явления устойчивости изучаются в психологии труда и отдельных видов деятельности (в частности в военной психологии, спортивной психологии). В отечественной литературе можно встретить немало исследований устойчивости как способности субъекта сохранять высокую продуктивность деятельности в экстремальных условиях [2; 3]. Так, например, в исследовании К.К. Платонова и Л.М. Шварца изучалась «летная напряженность», т. е. такое состояние летчиков, которое характеризуется понижением устойчивости и, как следствие, спадом показателей профессиональной эффективности в экстремальных условиях. Устойчивость при этом понималась как сложное, изменчивое, сознательно регулируемое действие. Изучением устойчивости как сохранением продуктивности разных видов деятельности в экстремальных условиях занимались в разное время такие отечественные ученые, как К.К. Платонов, Л.М. Шварц, А.Ф. Катаев, В.Л. Маришук, А.П. Попов, Л.М. Аболин, А.П. Елисеева, П.А. Корчемный и др. [2]. Традиция исследований устойчивости в советской и постсоветской отечественной психологии во многом сопряжена с естественно-научной парадигмой и экспериментальной методологией.

В зарубежной психологии близким по смыслу является концепт *mental toughness* («психическая устойчивость»). *Mental toughness* исследуется, как правило, в психологии спорта, в которой устойчивость рассматривается в контексте высших достижений и трактуется как способность к регуляции своего состояния в сложных средовых условиях, связанных с достижением максимальных спортивных результатов [20; 26]. Современное понимание устойчивости как *mental toughness* выходит за рамки спортивной психологии в область психологии бизнеса и других видов деятельности с высоким уровнем конкуренции и требованиями продуктивности.

**Социальная психология личности.** Пожалуй, наибольшее количество исследований устойчивости сосредоточено вокруг проблемы личности в трудных жизненных ситуациях [4; 6; 30]. В самом общем виде в данных исследованиях под устойчивостью (*resilience*) понимается совокупность внутренних и внешних условий, приводящих личность к адаптации в стрессовых и выходящих за рамки нормальности ситуациях, а также создающих возможность для личности осуществлять полноценную жизнь в трудных жизненных обстоятельствах. Другими словами, устойчивость понимается как способность человека прийти в свою норму жизни и преодолеть ту или иную форму личных невзгод. Перечислим лишь некоторые исследования и подходы, попадающие в данную плоскость: изучение устойчивости как метасистемного образования, социально-психологический подход к жизнеспособности, исследование устойчивости в рамках коммуникативного подхода, интегративный подход к жизнеспособности, исследование позитивных изменений после психологической травмы, концепция устойчивой реинтеграции и др.

Отдельная линия исследований посвящена информационно-психологической устойчивости (*ideological resistance*) [10; 32]. Информационно-психологическая устойчивость определяется: как качество личности, позволяющее ей противостоять информационно-психологическим воздействиям, сохранять мотивацию, моральные нормы и нравственные ценности; как неприятие смыслов и ценностей идеологии; как способность личности противостоять воздействию на сознание и бессознательное и сохранять собственные психологические характеристики, мотивацию и модели поведения.

**Психология развития и педагогическая психология.** Исследования в области психологии развития и педагогической психологии касаются, прежде всего, факторов развития и формирования устойчивости личности в онтогенезе [11; 31]. В самых ранних исследованиях устойчивости она рассматривалась как успешность преодоления неблагоприятных условий развития [17]. Так, например, в проекте «Компетентность» (Project Competence Longitudinal Study, PCLS) изучалась жизнеспособность детей и подростков в контексте психопатологических отклонений в их развитии [13].

Комплексные лонгитюдные исследования показали наличие некоторых факторов позитивного развития детей и подростков, вопреки обстоятельствам жизни, таких как: школьная среда как защитный фактор, формируемая мотивация достижения, качество социальных контактов, а также генетически обусловленные индивидуальные качества ребенка. Задачами педагогики в этой связи является возможное сокращение рисков неблагоприятия, а также поиск подходящих интервенций для их минимизации и для развития у ребенка защитных механизмов психики [6].

В рамках данных областей психологии устойчивость понимается как процесс регуляции развития. В частности, существует целый ряд исследований, связанных с поддержанием устойчивого развития личности (*sustainability*). В этом же ключе выдержаны исследования, посвященные долголетию и поддержанию жизнеспособности человека в старости [27].

**Психология групп.** В рамках данной области психологии исследователи занимаются изучением устойчивости малых и больших групп, а также организаций [8; 15].

Организационная устойчивость рассматривается как способность организации противостоять внешним угрозам, а также способность к развитию и реализации своего потенциала (*sustainability*) [8; 19; 24]. Авторы осмысливают устойчивость организации как многокомпонентное явление в различных измерениях: когнитивном, эмоциональном, коммуникативном и структурном [8; 16].

Устойчивость группы понимается как способность ее членов к совместной деятельности, а также совладанию с внешними неблагоприятными обстоятельствами, воспринимаемыми как угроза существованию и развитию группы. Собственно психологическое содержание устойчивости состоит *в качестве отношений участников группы*, что отличает групповую устойчивость от индивидуальной [8].

В разделе психологии групп отдельно следует рассматривать исследования устойчивости семьи [1; 6]. Проведенный К.Б. Зуевым метаанализ статей на данную тему позволяет отметить, что исследования устойчивости/жизнеспособности семьи выделяются в отдельную область, о чем свидетельствует стабильный рост публикаций на данную тему [1]. Кроме того, устойчивость семьи как отдельной социальной ячейки существенно отличается от индивидуальной устойчивости. Жизнеспособность семьи понимается как выживаемость, опирающаяся на ресурсы, позволяющие семье совладать со стрессогенными событиями [6; 25].

Несмотря на то, что некоторые представления об устойчивости выходят за рамки конкретных областей психологии и даже за пределы психологической науки в междисциплинарную область, психологические представления об устойчивости в целом возможно систематизировать в соответствии с указанными областями. ИмPLICITным основанием для подобной систематизации исследований является *тип задачи*, которую решает психика при столкновении с трудными, выходящими за



рамки обыденности ситуациями. Так, в области психологии труда подразумевается задача сохранения продуктивности деятельности; в области социальной психологии личности — задача адаптации («медицинская модель»), совладания («социально-психологическая модель») или позитивных личностных изменений («гуманистическая модель»); в области психологии развития и педагогической психологии — задача нормального/оптимального развития; в психологии групп — задача выживания и развития групп. Сквозной характер имеют представления об устойчивости в области клинической психологии, патопсихологии и психологии здоровья, поскольку вне зависимости от конкретного типа задачи, которую психика решает при столкновении с невзгодами, ключевой является обобщенная задача сохранения жизнеспособности.

### Формы существования устойчивости как психологического явления

Другая оптика для систематизаций представлений об устойчивости в психологии связана с фундаментальным пониманием ее как *психологического явления*: устойчивость рассматривается как *характеристика личности* (свойство или черта), как *способность* (набор компетенций) или же как *динамический процесс*.

Психологические исследования устойчивости начались с ее изучения как черты. Широкая линия исследований посвящена устойчивости как некоторому созвездию *характеристик личности или* качеств индивида, проявляющихся в процессе напряженной деятельности, в их числе: темперамент как детерминанта устойчивости, эмоциональная возбудимость или чувствительность к эмоциогенным ситуациям как эмоциональная неустойчивость и другие.

Исследования в области процессов и механизмов формирования устойчивой личности, а также профилактики устойчивости и благополучия привели психологов к пониманию устойчивости как формируемого, сложного, имеющего уровневое строение психического качества. Позже устойчивость стали трактовать как *способность* личности, состоящую из набора компетенций. Устойчивость личности связывалась со способностью оптимально отражать действительность в сложных, стрессовых ситуациях; с умением ориентироваться на определенные цели во временной перспективе; метакогнитивными способностями; навыком контроля поведения, развитие которого не завершается на протяжении всей жизни человека.

Относительно современные исследования все больше сфокусированы на понимании устойчивости как *динамического системного процесса*. Этот процесс контекстуально обусловлен и подразумевает, что от ситуации к ситуации тот набор психических явлений, который детерминирует устойчивость, может сильно варьироваться. Методология данных исследований не

отрицает наличие черт, устойчивых характеристик или способностей, но подразумевается, что мера их проявления и реализации зависит от ситуации и взаимодействия с конкретными субъектами и социальными системами. Приоритет отдается реляционным, ситуационным факторам. Психика рассматривается как функция системы «Среда — Человек» и не сводится к актуальным свойствам ее компонентов. Например, Г. Гианесини понимает устойчивость как реляционный процесс, который в разное время в течение всей жизни является результатом синергического взаимодействия между человеком и средой [14].

### Устойчивость в контексте разных исследовательских парадигм

Еще одно основание для систематизации представлений об устойчивости в психологии — это понимание характера *взаимосвязи человека и среды*, которое явно или неявно присутствует в качестве парадигмальной рамки в конкретно-психологических исследованиях.

Все представления об устойчивости можно рассмотреть в некотором континууме: *влияние среды на человека* (односторонняя линейная связь) — *взаимовлияние среды и человека* (двухсторонняя линейная связь: не только среда способна влиять на человека, но и он на среду) — *среда и человек как целостная система*. Несмотря на кажущуюся простоту и архаичность такой оптики, именно она позволяет развести некоторые понятийные нюансы основных терминов данного поля: резистентности, устойчивости, жизнестойкости и жизнеспособности.

**Влияние среды на человека («Среда → Человек»).** В данной парадигмальной рамке подразумевается, что среда оказывает влияние на человека, а трудные жизненные ситуации «случаются» с человеком; человек же, в свою очередь, вынужден так или иначе на эти ситуации реагировать. Поведение человека рассматривается как реактивное, а он сам — как объект воздействия. Психологические исследования, выполненные в такой парадигме, в большей степени соотносятся с «медицинской моделью», для которой характерно понимание устойчивости как резистентности внешним воздействиям, как поддержание гомеостаза, редукации напряжения и восстановления прежнего нормального функционирования в ответ на невзгоды. Процессы формирования и функционирования устойчивости рассматриваются как мало осознаваемые и слабо контролируемые. В качестве примера можно привести упомянутое выше исследование жизнеспособности детей в семье, родители которых имеют психиатрический диагноз [17; 31]. В нем изучались защитные факторы, способствующие благополучию ребенка: высокий уровень активности, отзывчивость, автономия, адекватные коммуникативные навыки и другие.

**Взаимовлияние среды и человека («Среда ↔ Человек»).** Эта парадигмальная рамка предполагает, что человек

не просто реагирует на среду, но и способен оказывать на нее влияние. Если предыдущей парадигме в большей степени соответствовала «медицинская модель» устойчивости, то данной теоретической рамке соответствуют «социально-психологическая и гуманистическая модели», в которых человек не просто реагирует на средовые факторы, но способен проявлять субъектность и соответствующую ей проактивность. Проактивность выражается в индивидуальной оценке степени стрессогенности среды, в способности человека предвидеть, предвосхищать вероятные сценарии развития события и за счет сознательных процессов самоорганизации совладать с невзгодами.

В рамках данной парадигмы к составляющим устойчивости можно отнести: способность к рефлексии, метакогнитивные процессы, ресурсы личности, индивидуальный потенциал личности, совладающие механизмы личности, жизнестойкость (*hardiness*), смысл жизни и др.

Применение данной парадигмы можно проиллюстрировать на примере понимания термина «трудная жизненная ситуация». В рамках парадигмы «среда человек» трудную жизненную ситуацию можно определить, используя объективные опросники, например метод ассесмент (отслеживание стрессогенных событий жизни) и другие [28]. В нем представлен перечень стрессогенных событий; респонденту необходимо отметить их наличие в своей жизни. Чем больше подобного рода событий, тем выше уровень стресса. Альтернативный подход к пониманию трудной жизненной ситуации состоит в том, что человек обладает свободой переживания, волен в выборе способа и направления переживания. С этой точки зрения, невозможно создать окончательный и полный перечень стрессогенных ситуаций на основе объективных критериев, поскольку эти ситуации определяются субъективно и индивидуально.

Данная оптика подходит для описания жизнестойкости и устойчивости в узком смысле слова, в котором фиксируются проактивное совладание и способность формировать среду и оказывать на нее влияние.

**Среда и человек как целостная система («Среда & Человек»).** В рамках предыдущих парадигм устойчивость рассматривалась в позитивистском понимании — как личностная характеристика, которая формируется вопреки или благодаря тяжелым условиям. В данном парадигмальном поле личность и среда рассматриваются как целостная система, а понимание устойчивости выходит за рамки способности сопротивляться или активно совладать со средой [29]. В этом заключается одно из ключевых отличий жизнестойкости (*hardiness*), в большей степени соответствующей парадигме «Среда ↔ Человек», от жизнеспособности (*resilience*) в работах современных отечественных исследователей. Различные качества личности, связанные с совладанием со стрессом и неблагоприятными ситуациями жизни, обозначаются термином «жизнестойкость» (*hardiness*). Под жизнестой-

костью понимаются все внутренние возможности человека, которыми он может воспользоваться в неблагоприятных жизненных ситуациях. Термин «жизнеспособность» имеет более широкую трактовку: как умение жить, развиваться и приспосабливаться в меняющемся мире, что, с нашей точки зрения, соответствует в большей степени данной парадигме. К этой же парадигмальной рамке можно отнести понимание устойчивости как *sustainability* — устойчивости развития. Человек может не просто сохранять и восстанавливать прежнее равновесие после стресса, но он также способен выйти на другой уровень функционирования, благодаря стрессу. Так, например, в последние десятилетия получили особую популярность исследования «посттравматического роста» [4; 12; 22]. В этом же контексте уместно говорить о широкой линии исследований в области позитивной психологии [4; 23].

Системно-ориентированный подход хорошо иллюстрирует направление исследований в данной парадигме [18]. Он подразумевает, что устойчивость — это динамическая характеристика, процессы которой идут на разных уровнях функционирования системы. Реакция человека на неблагоприятные условия опосредована огромным количеством процессов, каждый из которых вносит в нее вклад.

Некоторые результаты проведенного анализа нами обобщены на рис. 1. Направления стрелок указывают на современные концептуальные тренды в психологических представлениях об устойчивости. Таким образом, можно увидеть тренды первого, второго и третьего порядков.

## Заключение

Представленная систематизация психологических представлений об устойчивости, осуществленная на основе реконструкции общего для них концептуального пространства, является идеальной моделью и носит абстрактный характер, а потому не высвечивает всё многообразие вариаций в толковании устойчивости и смысловых оттенков обозначающих ее терминов. Дедуктивно выбранные критерии для систематизации также условны. Вместе с тем подобная систематизация психологических представлений об устойчивости позволяет уловить в них интегративные процессы и некоторые тренды развития.

В настоящее время мы наблюдаем движение представлений об устойчивости в предметной области от клинической и патопсихологии в сторону психологии здоровья. Вектор развития современных представлений об устойчивости в психологии направлен на отход от понимания ее как качества и характеристики личности в сторону выявления динамической, процессуальной природы данного явления; от парадигмы одностороннего линейного влияния среды на человека — в сторону целостной

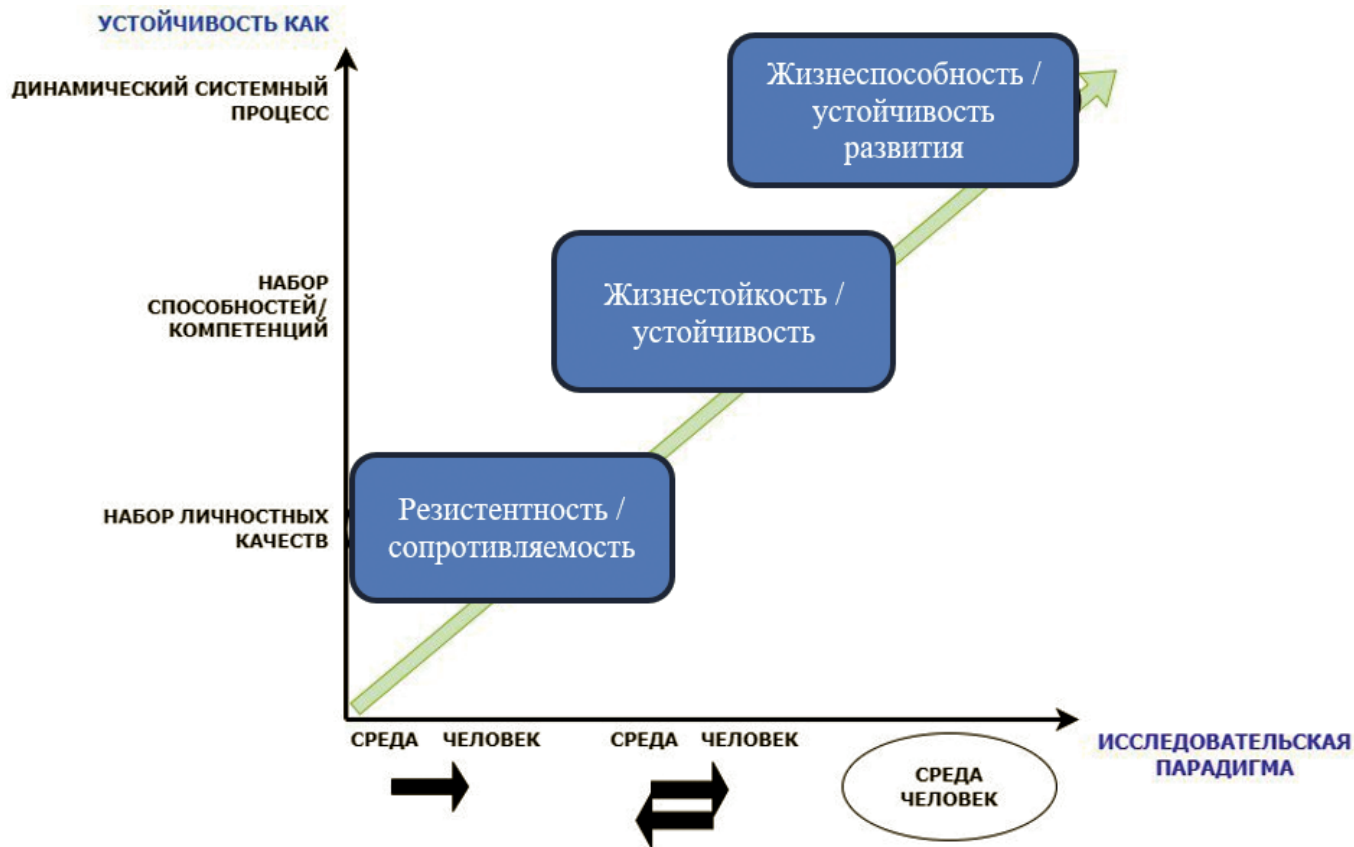


Рис.1. Концептуальное пространство психологических представлений об устойчивости

системы «Среда—Человек»; от одномерного понимания устойчивости (например как психофизиологической характеристики) — в сторону представления о сложном уровне и системном характере ее строения. Дальнейшие исследования устойчивости, как ожидается, будут не только проводиться на стыке разных областей (отраслей) психологической науки, но и всё больше выходить в поле междисциплинарных исследований.

Обозначенные тренды позволяют наметить некоторые концептуальные рамки консультативной и психотерапевтической работы и осмыслить методологию профессиональной деятельности психолога. В рамках трендов первого порядка различные практики психологической помощи в большей степени

соответствуют педагогической или коучинговой работе по формированию и развитию отдельных качеств устойчивой личности, таких как, например, *mental toughness* (психическая устойчивость) или *resistance* (резистентность). Практики работы с внутренней феноменологией, субъективным восприятием реальности в процессе активного совладания личности с трудными жизненными ситуациями соответствуют трендам второго порядка в развитии теоретических представлений в области устойчивости. Тренды третьего порядка отражают современные психологические и психотерапевтические направления и подходы, которые отличает реляционизм, диалогичность, ориентация на системный характер трансформаций личности.

### Литература

1. Зуев К.Б. Библиометрический анализ современных исследований жизнеспособности семьи // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2018. № 1(43). С. 99—102.
2. Казанков В.В. Проблема устойчивости в психологии: культурно-исторические и деятельностные подходы // International Journal of Medicine and Psychology. 2021. Том 4. № 4. С. 41—48.
3. Куршев А.Х. Формирование устойчивости у сотрудников органов внутренних дел к вербовочной деятельности экстремистских и террористических организаций // Журнал прикладных исследований. 2021. № 3-2. С. 69—73. DOI:10.47576/2712-7516\_2021\_3\_2\_69
4. Леонтьев Д.А. Удары судьбы как стимулы личностного развития: феномен посттравматического роста // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Под ред. А.В. Махнач, Л.Г. Дикой. М.: ИП РАН, 2016. С. 144—158.

5. Маркова В.И., Александрова Л.А., Золотарева А.А. Русскоязычная версия краткой шкалы резилентности: психометрический анализ на примере выборок студентов, многодетных родителей и родителей детей с инвалидностью // Национальный психологический журнал. 2022. № 1(45). С. 65—75. DOI:10.11621/prj.2022.0106
6. Махнач А.В. Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма. М.: ИП РАН, 2016. 459 с.
7. Махнач А.В., Лактионова А.И. Жизнеспособность подростка: понятие и концепция // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Под ред. Л.Г. Дикой, А.Л. Журавлева. М.: ИП РАН, 2007. С. 290—312.
8. Нестик Т.А. Жизнеспособность группы как социально-психологический феномен // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Том 1. № 2. С. 29—61.
9. Рылская Е.А. Научные подходы к исследованию жизнеспособности человека в зарубежной психологии // Теория и практика общественного развития. 2014. № 8. С. 57—58.
10. Саулькин В.А., Хугаева Л.В. Формирование устойчивости социальных групп Вооруженных сил России к негативному информационно-психологическому воздействию // Военный академический журнал. 2022. № 1(33). С. 51—58.
11. Childhood resilient personality trajectories and associations with developmental trajectories of behavioral, social-emotional, and academic outcomes across childhood and adolescence: A longitudinal study across 12 years / Q. Shi, J. Liew, I. Ettekal, S. Woltering // Personality and Individual Differences. 2021. Vol. 177. Article ID 110789. 18 p. DOI:10.1016/j.paid.2021.110789
12. Fayaz I. Posttraumatic Growth and Trauma from Natural Disaster in Children and Adolescents: A Systematic Literature Review about Related Factors // Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma. 2023. Vol. 32. № 3. P. 305—324. DOI:10.1080/10926771.2022.2133656
13. Garmezy N. Stress, Competence and Development: Continuities in the Study of Schizophrenic Adults, Children Vulnerable to Psychopathology, and the Search for Stress-Resistant Children // American Journal of Orthopsychiatry. 1987. Vol. 57. № 2. P. 159—174. DOI:10.1111/j.1939-0025.1987.tb03526.x
14. Ganesini G. Negotiating family challenges by transforming traditional gender roles in new identities: Patterns of resilience and parenthood in a sample of Italian couples: Preliminary findings were presented as a poster “Resilience and its shielding effect on relationship quality and life satisfaction” at the 69th Annual ICP Conference (International Council of Psychologists): July 29 to August 1—2, 2011, Washington, DC // Contemporary Perspectives in Family Research. Vol. 7. Visions of the 21st Century Family: Transforming structures and identities. Leeds: Emerald Group Publishing, 2013. P. 277—316. DOI:10.1108/S1530-3535(2013)0000007013
15. Kobal Grum D., Babnik K. The psychological concept of social sustainability in the workplace from the perspective of sustainable goals: A systematic review // Frontiers in Psychology. 2022. Vol. 13. Article ID 942204. 21 p. DOI:10.3389/fpsyg.2022.942204
16. Lengnick-Hall C.A., Beck T.E. Adaptive Fit Versus Robust Transformation: How Organizations Respond to Environmental Change // Journal of Management. 2005. Vol. 31. № 5. P. 738—757. DOI:10.1177/0149206305279367
17. Mahdiani H., Ungar M. The Dark Side of Resilience // Adversity and Resilience Science. 2021. Vol. 2. P. 147—155. DOI:10.1007/s42844-021-00031-z
18. Masten A.S., Cicchetti D. Resilience in Development: Progress and Transformation // Developmental Psychopathology. Vol. 4. Risk, Resilience, and Intervention / Ed. D. Cicchetti. Hoboken: Wiley, 2016. P. 271—333. DOI:10.1002/9781119125556.devpsy406
19. Meneghel I., Martínez I., Salanova M. Job-related antecedents of team resilience and improved team performance // Personnel Review. 2016. Vol. 45. № 3. P. 505—522. DOI:10.1108/PR-04-2014-0094
20. Mental toughness / D. Strycharczyk, P. Clough, T. Wall, J. Perry // Good Health and Well-Being. Encyclopedia of the UN Sustainable Development Goals / Eds. W. Leal Filho, T. Wall, A.M. Azul, L. Brandli, P.G. Özuyar. Cham: Springer, 2019. P. 471—483. DOI:10.1007/978-3-319-69627-0\_19-1
21. Pai N., Vella S.L. Can one spring back from psychosis? The role of resilience in serious mental illness // Australian & New Zealand Journal of Psychiatry. 2018. Vol. 52. № 11. P. 1093—1094. DOI:10.1177/0004867418802900
22. Posttraumatic stress symptoms, posttraumatic growth, and personality factors: A network analysis / R.C. Graziano, W.J. Brown, D.R. Strasshofer, M.A. Yetter, J.B. Berfield, S.E. Haven, S.E. Bruce // Journal of Affective Disorders. 2023. Vol. 338. P. 207—219. DOI:10.1016/j.jad.2023.06.011
23. Ryff C.D. Positive Psychology: Looking Back and Looking Forward // Frontiers in Psychology. 2022. Vol. 13. Article ID 840062. 17 p. DOI:10.3389/fpsyg.2022.840062
24. Sharma S., Sharma S.K. Team Resilience: Scale Development and Validation // Vision. 2016. Vol. 20. № 1. P. 37—53. DOI:10.1177/0972262916628952
25. Sixbey M.T. Development of the Family Resilience Assessment Scale to Identify Family Resilience Constructs. Gainesville: University of Florida, 2005. 171 p.



26. *St Clair-Thompson H., Devine L.* Mental toughness in higher education: exploring the roles of flow and feedback // *Educational Psychology*. 2023. Vol. 43. № 4. P. 326—343. DOI:10.1080/01443410.2023.2205622
27. Sustainable and Active Program — Development and Application of SAVING Methodology / M. Almeida-Silva, A. Monteiro, A.R. Carvalho, A.M. Teixeira, J. Moreira, D. Tavares, M.T. Tom s, A. Coelho, V. Manteigas // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022. Vol. 19. № 11. Article ID 6803. 16 p. DOI:10.3390/ijerph19116803
28. The social readjustment rating scale: Updated and modernized / D. Wallace, N.R. Cooper, A. Sel, R. Russo // *PLoS ONE*. 2023. Vol. 18. № 12. Article ID e0295943. 30 p. DOI:10.1371/journal.pone.0295943
29. *Ungar M., Hadfield K.* The differential impact of environment and resilience on youth outcomes // *Canadian Journal of Behavioural Science = Revue canadienne des sciences du comportement*. 2019. Vol. 51. № 2. P. 135—146. DOI:10.1037/cbs0000128
30. *Vella S.L., Pai N.* A Theoretical Review of Psychological Resilience: Defining Resilience and Resilience Research over the Decades // *Archives of Medicine and Health Sciences*. 2019. Vol. 7. № 2. P. 233—239. DOI:10.4103/amhs.amhs\_119\_19
31. *Werner E.E., Smith R.S.* Journeys from Childhood to Midlife: Risk, Resilience and Recovery. Ithaca: Cornell University Press, 2001. 236 p.
32. *Zmigrod L. A.* Psychology of Ideology: Unpacking the Psychological Structure of Ideological Thinking // *Perspectives on Psychological Science*. 2022. Vol. 17. № 4. P. 1072—1092. DOI:10.1177/17456916211044140

### References

1. Zuev K.B. Bibliometricheskii analiz sovremennikh issledovaniy zhiznesposobnosti sem'i [A bibliometric analysis of current family resilience research]. *Vestnik YarGU. Seriya Gumanitarnie nauki [Bulletin of YarSU. Human Sciences]*, 2018, no. 1 (43), pp. 99—102. (In Russ.).
2. Kazankov V.V. Problema ustoychivosti v psikhologii: kulturno-istoricheskie i deyatelnostnie podkhody [The problem of sustainability/resilience in psychology: cultural-historical and activity-based approaches]. *International Journal of Medicine and Psychology*, 2021. Vol. 4, no. 4, pp. 41—48. (In Russ.).
3. Kurshev A.H. Formirovanie ustoychivosti u sotrudnikov organov vnutrennikh del k verbovochnoy deyatelnosti ekstremistskikh i terroristicheskikh organizatsiy [The forming of resilience among internal affairs officers to recruitment activities of extremist and terrorist organizations]. *Zhurnal prikladnikh issledovaniy [The Journal of Applied Research]*, 2021, no. 3-2, pp. 69—73. DOI:10.47576/2712-7516\_2021\_3\_2\_69 (In Russ.).
4. Leont'ev D.A. Udari sudby kak stimuli lichnostnogo razvitiya: fenomen posttravmaticheskogo rosta [Blows of the fate as motivators of personal development: the phenomenon of post-traumatic growth]. In Makhnach A.V., Dikaya L.G. (eds.), *Zhiznesposobnost cheloveka: individualnie, professionalnie i sotsialnie aspekti [Human Resilience: Individual, Professional and Social Aspects]*. Moscow: IP RAS, 2016, pp. 144—158. (In Russ.).
5. Markova V.I., Aleksandrova L.A., Zolotareva A.A. Russkoyazychnaya versiya kratkoi shkaly rezilientnosti: psikhometricheskii analiz na primere vyborok studentov, mnogodetnykh roditelei i roditelei detei s invalidnost'yu [The Russian version of the Brief Resilience Scale: The psychometric analysis on the example of samples of students, parents with many children and parents of disabled children]. *Natsionalniy psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, 2022, no. 1(45), pp. 65—75. DOI:10.11621/npj.2022.0106 (In Russ.).
6. Makhnach A.V. Zhiznesposobnost' cheloveka i sem'i: sotsial'no-psikhologicheskaya paradig [Human resilience as research object in psychology]. Moscow: IP RAS, 2016. 459 p. (In Russ.).
7. Makhnach A.V., Laktionova A.I. Zhiznesposobnost' podrostka: ponyatie i kontseptsiya [Adolescent resilience: concept and definition]. In Dikaya L.G., Zhuravlev A.L. (eds.), *Psikhologiya adaptatsii i sotsial'naya sreda: sovremennye podkhody, problemy, perspektivy [Psychology of adaptation and social environment: modern approaches, problems, prospects]*. Moscow: IP RAS, 2007. pp. 290—312. (In Russ.).
8. Nestik T.A. Zhiznesposobnost' gruppy kak sotsial'no-psikhologicheskii fenomen [Resilience of social group: definition, structure and research approaches]. *Institut psikhologii Rossiiskoi Akademii Nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology]*, 2016. Vol. 1, no. 2, pp. 29—61. (In Russ.).
9. Ryl'skaya E.A. Nauchnye podkhody k issledovaniyu zhiznesposobnosti cheloveka v zarubezhnoi psikhologii [Scientific approaches to researches of human resilience in foreign psychology]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*, 2014, no. 8, pp. 57—58. (In Russ.).
10. Saul'kin V.A., Khugaeva L.V. Formirovanie ustoychivosti sotsialnykh grupp Voоруженных Сил России к негативному информационно-психологическому воздействию [The formation of resistance of the Russian military social groups to information-psychological activities]. *Voennyi akademicheskii zhurnal [Military Academic Journal]*, 2022, no. 1(33), pp. 51—58. (In Russ.).
11. Shi Q., Liew J., Etekal I., Woltering S. Childhood resilient personality trajectories and associations with developmental trajectories of behavioral, social-emotional, and academic outcomes across childhood and adolescence: A longitudinal

- study across 12 years. *Personality and Individual Differences*, 2021. Vol. 177, article ID 110789. 18 p. DOI:10.1016/j.paid.2021.110789
12. Fayaz I. Posttraumatic Growth and Trauma from Natural Disaster in Children and Adolescents: A Systematic Literature Review about Related Factors. *Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma*, 2023. Vol. 32, no. 3, pp. 305—324. DOI:10.1080/10926771.2022.2133656
13. Garmezy N. Stress, Competence and Development: Continuities in the Study of Schizophrenic Adults, Children Vulnerable to Psychopathology, and the Search for Stress-Resistant Children. *American Journal of Orthopsychiatry*, 1987. Vol. 57, no. 2, pp. 159—174. DOI:10.1111/j.1939-0025.1987.tb03526.x
14. Giancesini G. Negotiating family challenges by transforming traditional gender roles in new identities: Patterns of resilience and parenthood in a sample of Italian couples: Preliminary findings were presented as a poster “Resilience and its shielding effect on relationship quality and life satisfaction” at the 69th Annual ICP Conference (International Council of Psychologists): July 29 to August 1—2, 2011, Washington, DC. *Contemporary Perspectives in Family Research. Vol. 7. Visions of the 21st Century Family: Transforming structures and identities*. Leeds: Emerald Group Publishing, 2013, pp. 277—316. DOI:10.1108/S1530-3535(2013)0000007013
15. Kobal Grum D., Babnik K. The psychological concept of social sustainability in the workplace from the perspective of sustainable goals: A systematic review. *Frontiers in Psychology*, 2022. Vol. 13, article ID 942204. 21 p. DOI:10.3389/fpsyg.2022.942204
16. Lengnick-Hall C.A., Beck T.E. Adaptive Fit Versus Robust Transformation: How Organizations Respond to Environmental Change. *Journal of Management*, 2005. Vol. 31, no. 5, pp. 738—757. DOI:10.1177/0149206305279367
17. Mahdiani H., Ungar M. The Dark Side of Resilience. *Adversity and Resilience Science*, 2021. Vol. 2, pp. 147—155. DOI:10.1007/s42844-021-00031-z
18. Masten A.S., Cicchetti D. Resilience in Development: Progress and Transformation. In Cicchetti D. (ed.), *Developmental Psychopathology. Vol. 4. Risk, Resilience, and Intervention*. Hoboken: Wiley, 2016, pp. 271—333. DOI:10.1002/9781119125556.devpsy406
19. Meneghel I., Martínez I., Salanova M. Job-related antecedents of team resilience and improved team performance. *Personnel Review*, 2016. Vol. 45, no. 3, pp. 505—522. DOI:10.1108/PR-04-2014-0094
20. Strycharczyk D., Clough P., Wall T., Perry J. Mental toughness. In Leal Filho W., Wall T., Azul A.M., Brandli L., Özuyar P.G. (eds.), *Good Health and Well-Being. Encyclopedia of the UN Sustainable Development Goals*. Cham: Springer, 2019, pp. 471—483. DOI:10.1007/978-3-319-69627-0\_19-1
21. Pai N., Vella S.L. Can one spring back from psychosis? The role of resilience in serious mental illness. *Australian & New Zealand Journal of Psychiatry*, 2018. Vol. 52, no. 11, pp. 1093—1094. DOI:10.1177/0004867418802900
22. Graziano R.C., Brown W.J., Strasshofer D.R., Yetter M.A., Berfield J.B., Haven S.E., Bruce S.E. Posttraumatic stress symptoms, posttraumatic growth, and personality factors: A network analysis. *Journal of Affective Disorders*, 2023. Vol. 338, pp. 207—219. DOI:10.1016/j.jad.2023.06.011
23. Ryff C.D. Positive Psychology: Looking Back and Looking Forward. *Frontiers in Psychology*, 2022. Vol. 13, article ID 840062. 17 p. DOI:10.3389/fpsyg.2022.840062
24. Sharma S., Sharma S.K. Team Resilience: Scale Development and Validation. *Vision*, 2016. Vol. 20, no. 1, pp. 37—53. DOI:10.1177/0972262916628952
25. Sixbey M.T. Development of the Family Resilience Assessment Scale to Identify Family Resilience Constructs. Gainesville: University of Florida, 2005. 171 p.
26. St Clair-Thompson H., Devine L. Mental toughness in higher education: exploring the roles of flow and feedback. *Educational Psychology*, 2023. Vol. 43, no. 4, pp. 326—343. DOI:10.1080/01443410.2023.2205622
27. Almeida-Silva M., Monteiro A., Carvalho A.R., Teixeira A.M., Moreira J., Tavares D., Tom s M.T., Coelho A., Manteigas V. Sustainable and Active Program — Development and Application of SAVING Methodology. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2022. Vol. 19, № 11, article ID 6803. 16 p. DOI:10.3390/ijerph19116803
28. Wallace D., Cooper N.R., Sel A., Russo R. The social readjustment rating scale: Updated and modernized. *PLoS ONE*, 2023. Vol. 18, no. 12, article ID e0295943. 30 p. DOI:10.1371/journal.pone.0295943
29. Ungar M., Hadfield K. The differential impact of environment and resilience on youth outcomes. *Canadian Journal of Behavioural Science = Revue canadienne des sciences du comportement*, 2019. Vol. 51, no. 2, pp. 135—146. DOI:10.1037/cbs0000128
30. Vella S.L., Pai N. A Theoretical Review of Psychological Resilience: Defining Resilience and Resilience Research over the Decades. *Archives of Medicine and Health Sciences*, 2019. Vol. 7, no. 2, pp. 233—239. DOI:10.4103/amhs.amhs\_119\_19
31. Werner E.E., Smith R.S. *Journeys from Childhood to Midlife: Risk, Resilience and Recovery*. Ithaca: Cornell University Press, 2001. 236 p.
32. Zmigrod L.A. Psychology of Ideology: Unpacking the Psychological Structure of Ideological Thinking. *Perspectives on Psychological Science*, 2022. Vol. 17, no. 4, pp. 1072—1092. DOI:10.1177/17456916211044140

**Информация об авторах**

*Буланова Ирина Сергеевна*, кандидат психологических наук, научный сотрудник департамента психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2387-9498>, e-mail: [bis\\_m@mail.ru](mailto:bis_m@mail.ru)

*Двойнин Алексей Михайлович*, кандидат психологических наук, доцент, доцент департамента психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0530-740X>, e-mail: [alexdvoinin@mail.ru](mailto:alexdvoinin@mail.ru)

*Двойнина Виктория Константиновна*, магистр психолого-педагогического образования, ассистент департамента психологии, ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» (ГАОУ ВО МГПУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-7552-2524>, e-mail: [romantsovavk@mgpu.ru](mailto:romantsovavk@mgpu.ru)

**Information about the authors**

*Irina S. Bulanova*, PhD in Psychology, Researcher, School of Psychology, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2387-9498>, e-mail: [bis\\_m@mail.ru](mailto:bis_m@mail.ru)

*Alexey M. Dvoinin*, PhD in Psychology, Associate Professor, School of Psychology, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0530-740X>, e-mail: [alexdvoinin@mail.ru](mailto:alexdvoinin@mail.ru)

*Viktoriya K. Dvochina*, MA in Psychological and Pedagogical Education, Assistant Professor, Department of Psychology, Moscow City University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-7552-2524>, e-mail: [romantsovavk@mgpu.ru](mailto:romantsovavk@mgpu.ru)

Получена 07.03.2024

Received 07.03.2024

Принята в печать 26.02.2025

Accepted 26.02.2025